

политической деятельности Деметрия Полиоркета. В примечании указано, что Деметрий Полиоркет «жил с 307 по 283 г. до н. э.». Это грубая ошибка, так как он жил с 337 по 283 гг. до н. э., а его военно-политическая деятельность падает на время с 317— по 286 гг. до н. э.

К числу второстепенных минусов следует отнести ряд нарушений хронологической последовательности при помещении сочинений различных авторов. Почему данные о Ксенофонте и отрывок из «Анабасиса» помещены позднее отрывка из произведений Платона и соответствующей статьи, а отрывки из сочинений Сенеки ранее труда Страбона?

Наконец в ряде вступительных статей имеются неудачные в редакционном отношении места и просто неточности. Так, в вводной статье к предлагаемым отрывкам из сочинений Ксенофонта (стр. 56) читатель с недоумением узнает, что он получил от спартанцев имение «в Элиде, недалеко от города Олимпа...» Но, во-первых, в Греции не существовало города Олимпа, а была и есть гора Олимп, находящаяся, как известно, не в Пелопоннесе, а на севере Фессалии; во-вторых, в Элиде был населенный пункт не Олимп, а Олимния; в-третьих, Олимния никогда не была городом. Здесь были храмы Зевса и Геры, жилища жрецов и прислужников храмов. Наконец, здесь же находилось измеренное поле *το στάδιον* (стадион), на котором каждые четыре года в летние месяцы происходили соревнования в честь бога Зевса, так называемые «Олимпийские игры». Ошибочным является также указание составителя в вводной статье об Аристотеле, что последний, будучи приглашенным в Македонию в 343 г. до н. э. в качестве воспитателя сына Филиппа — Александра, занимал «эту должность... около восьми лет...» (стр. 66). Известно, что уже в 338 г. Александр ушел вместе со своим отцом в поход на Грецию и занятия с ним Аристотеля были прекращены. Очень слаба в историческом отношении вводная статья «Походы Александра Македонского» (стр. 75 сл.). Неудачно определение Полибия (стр. 99) как «романизованного грека», принимавшего в молодости деятельное участие в делах Ахейского союза.

Нам представляется, что ряда упущений и досадных неточностей легко можно было избежать, если бы Географическое издательство и составитель работали в контакте со специалистами-историками древнего мира, в то время как в настоящем издании отмеченные недостатки снижают научную ценность в целом интересной научной книги.

А. Бокщанин

Н. В. АНФИМОВ, *Древние поселения Прикубанья в I тысячелетии до н. э. и в первые века н. э.* Краснодар, Краснодарское книжное издательство, 1953, 77 стр., тираж 3000 экз., цена 1 р. 50 к.

Рецензируемая книга излагает древнейшую историю Прикубанья в научно-популярной форме, вследствие чего она может служить хорошим пособием для преподавания истории и в средней школе. Книга изложена простым и четким языком. Вместе с тем работа Н. В. Анфимова, написанная на основании мало известного в литературе материала, накопленного автором в результате 20-ти лет самостоятельных разведок и раскопок на территории Краснодарского края, имеет интерес как новое научное обобщение древней истории этого края.

В первой части своей работы автор дает краткое описание древних городищ, поселений, курганов и могильников Прикубанья, во второй — он выясняет степень экономического и культурного развития местных племен. Бегло остановившись на описании природных условий Краснодарского края, автор столь же кратко характеризует сравнительно мало изученный период палеолита, неолита и бронзы в Прикубанье. Более подробно Н. В. Анфимов останавливается на изучении истории племен Северо-западного Кавказа в I тысячелетии до н. э. Используя свидетельства греческих и римских авторов, а также результаты исследований археологических памятни-

ков, Н. В. Анфимов доказывает, что основным населением Северо-западного Кавказа в это время являлись меоты и горские племена Закубанья и Черноморского побережья. Исследования советских археологов способствовали более точному определению границ расселения меотских племен; большая часть этих работ была проведена самим автором рецензируемой книги.

Н. В. Анфимов правильно предполагает, что сарматы, или савроматы, занимавшие к VII в. до н. э. территорию между Доном и Волгой, жили и в восточной степной части правобережья Кубани (стр. 9). Это подтверждается обрядом погребения в данных районах и инвентарем сарматского типа, находимым в курганах.

Н. В. Анфимов дает более точные границы Спидики и считает, что синдды занимали весь Таманский полуостров, Анапский и Варениковский районы. На севере границей расселения синддов являлась р. Кубань, на востоке она шла через городище хутора Красно-Батарейного с его остатками мощных фортификационных сооружений, доходящих до отрогов Кавказских гор. Эта точка зрения автором была убедительно обоснована изложена в его докладе на Скифском пленуме ИИМК в 1952 г. Нам представляется она более правильной, чем точка зрения других исследователей¹.

Не отрицая наличия памятников, оставленных скифами во время их движения по Прикубанью в Переднюю Азию (скифские курганы вдоль долины р. Белой и по Белореченскому перевалу), автор еще раз повторяет высказанное им ранее мнение о том, что скифы никогда не составляли постоянного населения степей Прикубанья².

Остановившись на вопросе о возникновении государственного образования у синддов в V в. до н. э., автор приходит к той же мысли, что и В. И. Мошинская³.

Н. В. Анфимов выделяет синддов как передовую часть меотских племен, показывает тесные экономические связи верхушки синдской знати с Боспорским государством, что послужило одной из основных предпосылок включения Спидики в состав Боспорского государства. Историю Боспора автор рассматривает в тесной связи с его взаимоотношениями с синддо-меотскими племенами, правильно отмечая влияние местных элементов на пришлых греков уже в эпоху правления Спартокидов.

Н. В. Анфимов впервые в нашей исторической науке выделяет ранние поселения местных племен VI—V вв. Процесс превращения этих поселений в укрепленные городища автор справедливо связывает с ростом производительных сил у местных племен и переходом части их к оседлому образу жизни. Главным занятием племен Прикубанья было земледелие и скотоводство. Это положение подтверждается найденными при раскопках зернами пшеницы и ячменя и костями домашних животных.

Большую ценность представляет прилагаемая к книге карта с обозначением местоположения городищ и поселений края в I тысячелетии до н. э., составленная автором в результате его собственных археологических изысканий.

Большое внимание в книге уделено описанию древнесиндских городищ в низовьях р. Кубани, особенно Семибратнего, раскопки которого проводились автором в течение семи археологических сезонов (1938—1940 и 1949—1952 гг.). Н. В. Анфимов показывает торговые и культурные связи синдского городища с Боспором и его важное торговое и стратегическое значение для древней Спидики, его роль как пункта, «контролирующего сообщения Кубанского бассейна с морем как раз у выхода Кубани в дельту» (стр. 39).

Во второй части книги автор рассматривает развитие земледелия в Прикубанье в античную эпоху, на что им обращалось внимание и раньше (см. МИА, 23). Многочисленные находки зерен пшеницы, ячменя и проса, а также таких сельскохозяйственных орудий, как железные серпы, каменные зернотерки, «характеризуют довольно высокий уровень развития местной земледельческой культуры второй половины I тысяче-

¹ В. П. Шплов. О расселении меотских племен, СА, XIV, 1950, стр. 402—423.

² Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху, СА, XI, 1949, стр. 241—260.

³ ВДИ, 1946, № 3, стр. 203—208.

летия до н. э. и первых веков н. э., который был несколько не ниже, чем в греческих колониях Северного Причерноморья» (стр. 51).

В последнем разделе книги автор останавливается на общественном строе местных племен. Он считает, что в это время у меотских племен происходило разложение первобытно-общинного строя. Торговые сношения меотских племен с Боспорским государством способствовали ускорению процесса разложения первобытно-общинных отношений. Рост пашенного земледелия у оседлых племен в связи со все возрастающим спросом Боспора на кубанский хлеб в IV—III вв. приводит к дальнейшему углублению социального неравенства и усилению «эксплоатации рядовых общинников богатыми семьями» (стр. 74). В последующие столетия у меотских племен усиливается имущественная дифференциация, и социальные различия «... подходит, повидимому, уже к грани классового общества» (стр. 75). К этому времени относится появление огромного количества курганов с захоронениями знати, а в родовых могильниках, наряду с могилами без инвентаря, появляются богатые захоронения. Автор приводит археологические материалы и письменные источники, свидетельствующие об имущественном неравенстве в среде меотских племен; общественный строй у меото-сарматских племен представляется ему в форме военной демократии (стр. 76).

В книге впервые публикуются отдельные памятники, например фотография статуи воина на стр. 68 или изображение развалин здания III в. до н. э., открытых на Семибратнем городище в 1940 году.

Наряду с отмеченными достоинствами в рецензируемой книге имеются, однако, и весьма существенные недостатки.

Недостаточно и несколько оторванно от исследования городищ освещены относящиеся к ним курганы и могильники. Нам представляется, что более детальное изучение отдельных могильников вместе с городищами дало бы возможность составить более полную картину развития экономики и культуры племен Прикубанья в рассматриваемый период.

Спорна также мысль автора о синдском происхождении династии Спартокидов, лишенная к тому же какой-либо аргументации (стр. 14). Известно, что эта теория впервые была высказана М. П. Артамоновым¹ и повторена В. П. Шиловым (ук. соч.). В нашей исторической науке существует и другая точка зрения о фракийском происхождении этой династии², причем она находит подтверждение и в лингвистических данных.

К сожалению, интересная книга иллюстрирована плохими рисунками и слепыми фотографиями, что следует поставить в вину Краснодарскому издательству.

А. Коровина

Д. ДЕЧЕВ, *Характеристика на тракийския език,* София, 1952, 136 стр.

Среди народов индоевропейской семьи есть несколько таких, которые играли в древности крупную историческую роль, но которые не создали своей письменности и литературы и о языке которых мы можем судить только по сравнительно скудно дошедшим до нас собственным именам, топонимическим и этнонимическим названиям, некоторому количеству глосс у античных авторов и т. п.

Таковы скифы, бывшие долгое время крупнейшим фактором в исторических судьбах Средней Азии, Южной России, а в отдельные периоды также Передней Азии. Таковы и фракийцы. Геродот (V, 3) пишет о фракийцах, что это — самый многочисленный

¹ К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. ВДИ, 1949, № 1, стр. 29—39.

² С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, Изд-во АН СССР, 1953, стр. 167 сл.

после индийского народа, если бы он был объединен, то «был бы неодолим и могущественнее всех народов». Собственно фракийцы вместе с родственными племенами гетов и даков занимали всю нынешнюю Болгарию, европейскую Турцию, некоторые прилегающие районы Югославии и Греции, значительную часть Румынии. Во времена Геродота Фракия граничила на севере со Скифией, на юге — с Македонией. Находясь в оживленных сношениях со скифами, фракийцы, бесспорно, играли известную роль также в древних судьбах юга России. Собственные имена правителей Боспорского царства в значительной части являются фракийскими (Спарток, Котис, Рескупорид, Реметалк).

Естественно, что вопрос об этнической и языковой принадлежности фракийцев давно занимал ученых. К сожалению, языковые материалы, на которые можно здесь опереться, весьма ограничены. Имеется один связный текст — небольшая (в 10 слов) надпись на перстне из Езерова, выполненная греческими буквами. Зато в большом числе дошли до нас в греческой и латинской передаче фракийские собственные имена, имена божеств, племенные названия, названия местностей, рек, гор, населенных пунктов. При всей недостаточности этого материала, он позволил установить, что фракийцы принадлежали по языку к народам индоевропейского круга.

Первая большая обобщающая работа о фракийцах и их языке принадлежит известному чешскому ученому В. Томашеку¹. Эта основополагающая работа и поныне сохраняет свое значение. Однако за прошедшие со времени ее появления 60 лет наши знания о фракийском языке расширились и углубились как благодаря новым эпиграфическим, папирологическим и иным находкам, так и ввиду общего прогресса индоевропейского языкознания и усовершенствования методов лингвистического анализа. Назрела необходимость заново пересмотреть и систематизировать весь доступный фракийский материал и на этой основе дать более глубокую и точную его характеристику. Эту задачу поставил перед собой в рецензируемой работе крупнейший современный специалист по фракийскому языку — болгарский ученый Д. Дечев.

Как сообщает автор в предисловии, им подготовлен свод всего дошедшего до нас фракийского языкового материала. Однако опубликование этого свода Венской академией наук задерживается. Поэтому Д. Дечев считал целесообразным, не ожидая выхода упомянутого свода, предать гласности полученные им результаты по разбору фракийского языкового материала.

Книга делится на 36 глав, из которых 33 посвящены исторической фонетике фракийского языка. Автор прослеживает шаг за шагом, как отразились во фракийском языке различные звуки индоевропейского языка-основы.

В заключительных главах автор останавливается на трех вопросах: об отношении фракийского языка к фригийскому, о взаимоотношении между албанским и фракийским языком и, наконец, о месте, занимаемом фракийским языком среди индоевропейских языков.

Основные выводы автора таковы.

В отношении судьбы индоевропейских смычных согласных фракийский язык объединяется с германским, фригийским и армянским; во всех этих языках индоевропейские *b, d, g* дали *p, t, k*, и. е. *bh, dh, gh* → *b, d, g* (β, δ, γ), и. е. *p, t, k* → *ph, th, kh*. Эту общность в развитии консонантизма в перечисленных языках автор объясняет влиянием общего для них «этрuscoкого» или «этрuscoидного» субстрата, в результате скрещивания с которым и образовались, по мнению Д. Дечева, эти языки.

Это скрещивание произошло после разделения индоевропейских языков на группы *satəm* и *centum*; фракийский и армянский относятся к группе *satəm*, а фригийский и германские — к группе *centum*.

Тот индоевропейский язык, от скрещивания которого с «этрuscoким» образовался фракийский язык, принадлежал, по утверждению автора, к «иранской общности». Доказывается это будто бы двойкой передачей индоевропейских *k', g', g'h* через

¹ W. Tomasek, Die alten Thraker (eine ethnologische Untersuchung), SAWW, phil.-hist. Kl., тт. 128, 130, 131 (1893—1894).